

Исследователи творчества М.Ю. Лермонтова не раз отмечали особое внимание художника к «физическому составу человека» (А.Л. Рубанович), френологии (В.Ф. Асмус), к «внутреннему человеку» (Б.Т. Удодов). Несомненно, одно из достижений лермонтовского творчества – углубление представлений о реальной сложности природы человека и многомерности структуры человеческой личности.

Важной «составляющей» героев Лермонтова является детскость. Отметим, что такого слова в языке художника нет – оно появится в произведениях писателей более позднего времени. Вот как описывает Л.Н. Толстой впечатление Левина, произведенное на него Кити Щербацкой: «Когда он думал о ней, он мог себе живо представить ее всю, в особенности прелесть этой с выражением *детской ясности и доброты*, небольшой белокурой головки, так свободно поставленной на статных девичьих плечах. *Детскость выражения ее лица* в соединении с тонкой красотой стана составляли ее особенную прелесть, которую он хорошо помнил...»¹²². «Детское начало» будет акцентировать в своих героях Ф.М. Достоевский; детскостью наделены и герои произведений А. Платонова, Е. Замятина.

Лермонтов же для характеристики личности своих героев часто употребляет эпитет «детский». Исследователем В.М. Фишером отмечено, что во многих лермонтовских сравнениях и метафорах фигурирует «ребенок»; Б.Т. Удодов указывает на концептуальный характер излюбленного лермонтовского эпитета «детский». Слово «детский», по наблюдению составителей частотного словаря языка Лермонтова, входит в тысячу самых употребительных слов в языке поэта¹²³. Положенное Лермонтовым начало художественного осмысления антропологической категории детскости как состояния человека, не растерявшего в процессе взросления богатства души, по нашему убеждению, во многом предвосхищает открытия в этой области Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

В обыденном сознании понятия «детскость» и «инфантильность» нередко отождествляются, поэтому представляется целесообразным их развести. В русском языке отвлеченные имена существительные на *-ость* имеют значение качества, свойства. Инфантильность (от лат. *infantilis* – младенческий, детский) – это задержка в развитии организма и психики. Инфантил отличается незрелостью эмоционально-волевой сферы, что выражается в

¹²² Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в 8 ч. Ч. 1-4. Л., 1987. С. 31-32. В цитатах курсив автора.

¹²³ См.: Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 717-774.

несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищенности, в пониженной критичности, в разнообразных компенсаторных реакциях. Четкого же определения понятия «детскость» не существует: в толковых словарях оно трактуется как свойство по прилагательному «детский», т.е. такой, как у ребенка, свойственный ребенку. И лишь в переносном значении «детскость» получает негативную окраску: не свойственный взрослому; ребяческий, наивный, незрелый. «Российский гуманитарный энциклопедический словарь» определяет детскость общо, как «категорию антропологии и эстетики, знаменующую вечное качество человека»¹²⁴.

Таким образом, понятие «детскость» получает широкое наполнение. В самом общем виде детскость – это то, что осталось во взрослом человеке от ребенка. «Положительная» детскость – это особая ментальность как тип отношения к миру, особое свойство ума, сознания. Это целый спектр эмоциональных состояний и поведенческих реакций, таких, как непосредственность, душевная чистота, светлое, открытое восприятие мира, полная доверчивость, искренность.

Одухотворенное понимание «детскости» раскрывается в Библии, книге, содержащей нравственные заповеди, легшие в основу бытия всех христианских народов. Напутствие Христа «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»¹²⁵ (Мф., 18:3) не означает призыва к искусственному опрошению, инфантилизму, отрицание роста, развития, умственного и душевного созревания. Наоборот, сохранение в своей душе детскости и означает внутренний «рост» человека. Духовная детскость – это не подражание отдельным чертам, свойственным ребенку, а сохранение в себе детской чистоты восприятия, целостности психики. «Всякое дитя, – писал В.В. Зеньковский, – прекрасно в своей непосредственности и чистоте, всякое дитя в настоящем смысле слова грациозно... лучи высшей красоты исходят от детей, и это делает детство идеалом человека. Слова Христа – не можем мы войти в Царствие Божие, если не станем как дети, – имеют тот смысл, что мы снова должны достигнуть того душевного строя, в котором господство принадлежало бы внеэмпирическому центру личности»¹²⁶.

Цель данной работы – рассмотреть категорию детскости в образах взрослых героев произведений Лермонтова. В образах собственно детей она наиболее очевидна, но будучи обнаруженной в образах взрослых, детскость становится выражением авторской концепции. В применении ко взрослым

¹²⁴ Детскость // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1. М.; СПб., 2002. С. 577.

¹²⁵ Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. М., 2002. С. 21.

¹²⁶ Зеньковский В.В. Психология детства. М., 1996. С. 318-319.

эпитет «детский» всегда служит у Лермонтова в похвалу им. «На протяжении всего творчества Лермонтова, – отмечает Б.Т. Удодов, – детскость является своего рода критерием целого ряда высоко ценимых поэтом внутренних качеств»¹²⁷.

Антропология Лермонтова во многом генетически связана с романтической эстетикой. В стихотворении «М.А. Щербатовой» («На светские цепи», 1840), в поэмах «Демон» (1829-1839) и «Мцыри» (1839) детскость героев обусловлена их близостью к природе. Это ставит героев в один ряд с популярными в литературе сентиментализма и романтизма образами «естественного человека». Возникновение идеализированных образов «детей природы» связано, в свою очередь, с интересом русской общественной мысли XVIII-XIX вв. к философским и педагогическим концепциям Ж.-Ж. Руссо.

Так, героиня стихотворения представлена как дочь «цветущих степей Украйны», подлинное дитя природы. Ее безыскусная красота и чистота внутреннего облика являют резкий диссонанс «свету», которому она противопоставит сохранившейся в ее душе «детской верой» (I, 69)¹²⁸. «Любимый идеал» Лермонтова Мцыри – «душой дитя» (II, 81). По природе своего сердца он чужд зла и эгоизма, органически тянется к людям. Мцыри способен удивляться красоте мира, сохранил в себе чистоту, доверчивость, открытость, верность идеалам родной семьи даже в условиях плена и физического сиротства.

Детски непосредственна до встречи с Демоном Тамара: «И улыбается она, / Веселья детского полна» (II, 50). Характеризация героини («свободы резвое дитя») и обращение Демона к ней («дитя») подчеркивают детскость Тамары. Однако познание жизни, ее противоречивости оказывается губительным для гармоничной, естественной природы Тамары. Любовь к Демону, мир которого составляет сфера чистого знания, бесплотной абстракции¹²⁹, открывает ей ранее неведомые горизонты знания, вырывает ее из блаженного неведения. Постепенно детскость Тамары сменяется грустной и гордой мудростью, чувство единения с природой оставляет ее, когда в героине пробуждается аналитическая мысль, и Тамара неизбежно уподобляется Демону. Демоническое особенно ярко проступает в «странной», «грустной» улыбке мертвой Тамары: «В ней было *хладное презренье* / Души, готовой отвести...» (II, 73). Описание мертвого, застывшего лица резко контрастирует с живой улыбкой сияющей Тамары в начале поэмы. В конце же произведения

¹²⁷ Удодов Б.Т. М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973. С. 59.

¹²⁸ Произведения М.Ю. Лермонтова цитируются с указанием тома и страницы по изданию: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1975-1976. В цитатах курсив ангор.

¹²⁹ См.: Пульхритудова Е. «Демон» как философская поэма // Творчество М.Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 83.

в улыбке, потерявшей признаки детскости, раскрывается тернистый путь духовного прозрения, пройденный героиней.

Однако, как отмечает Б.Т. Удодов, высшим идеалом для Лермонтова было «соединение детской непосредственности чувств и зрелой глубины ума»¹³⁰. Такое *соединение* находим в образах Печорина («Герой нашего времени», 1837-1840) и А.И. Одоевского («Памяти А.И. Одоевского», 1839).

В Печорине детскость, душевная поэтичность парадоксально сочетаются с эгоизмом, жестокостью, скептицизмом; сам герой неоднократно говорит о своей двойственности. Детскостью отмечены его внешние и внутренние характеристики. Так, рисуя портрет Печорина, автор отмечает: «В его улыбке было что-то детское» (IV, 45). Сердце Печорина трогают слезы слепого мальчика («Тамань»); герой способен горько, неудержимо, как плачут только дети, плакать («Княжна Мери»); наедине с природой он остается поэтом и, отправляясь на дуэль, жадно, как ребенок, любуется каждой росинкой на листьях (там же). «Скрытность характера» и – одновременно – детскость свидетельствуют о многомерности и противоречивости нравственно-психологического облика Печорина.

Детская живость, чистота, непосредственность чувств наиболее гармонично сочетаются с умудренностью жизненным опытом, глубоким умом в образе героя из стихотворения «Памяти А.И. Одоевского». Одоевский был одним из лучших и любимых друзей Лермонтова, и в стихотворении в образе друга автором подчеркнуты наиболее значимые его личностные качества. С одной стороны, он «Из детских рано вырвался одежд / И сердце бросил в море жизни шумной»; с другой, –

В нем тихий пламень чувства не угас:

Он сохранил и блеск лазурных глаз,

И звонкий детский смех, и речь живую,

И веру гордую в людей и жизнь иную. (I, 61)

Таким образом, детскость в героях Лермонтова – это особое, высоко ценимое поэтом внутренне качество, достоинство. Характеризуя взрослую природу человека, она связывается поэтом с целостностью личности, выступает для него нравственным идеалом, мерилom нравственного совершенства.

Мангилёва А.В.

¹³⁰ Удодов Б.Т. Указ. соч. С. 59.